

<https://doi.org/10.62837/2026.2.174>

АЗЕЛЬМА БАХРАМ КЫЗЫ ГАСАНОВА
Доцент Кафедры Немецкого и Французского языков
Бакинский Государственный Университет
azelmah@gmail.com

АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБРАЗОВ ТРЁХ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ЗООНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

chameau (верблюд), *girafe* (жираф) и *éléphant* (слон)

Ключевые слова : зоонимы; лингвокультурология; метафора; коннотация; языковая картина мира; французский язык; культурные стереотипы; экзотические животные

Аннотация

В статье рассматривается лингвокультурная специфика образов трёх экзотических зоонимов — *chameau* (верблюд), *girafe* (жираф) и *éléphant* (слон) — во французском языке. Зоонимы анализируются не только как номинации животных, но прежде всего как культурно маркированные языковые единицы, участвующие в формировании оценочных значений и коллективных представлений о человеке и социальной реальности. Теоретическую основу исследования составляют положения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, в частности работы А. Вежбицкой, Ж. Клейбера, В. Н. Телии, а также теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Особое внимание уделяется роли культурной дистанции, визуального восприятия, религиозных и литературных традиций в формировании зоонимических коннотаций. Анализ показывает, что отсутствие прямого эмпирического контакта с экзотическими животными способствует их переосмыслению в символическом и метафорическом ключе. Во французском языке зооним *chameau* функционирует преимущественно как резко негативная инвектива, *girafe* — как иронический образ, мотивированный визуальными характеристиками, а *éléphant* — как сложная метафора, связанная с представлениями о массивности, памяти и социальной «весомости». Сопоставление с русским и азербайджанским языками выявляет культурную относительность зоонимических значений и подтверждает, что подобные метафоры отражают не объективные свойства животных, а культурно обусловленные способы концептуализации человеческого мира.

AZELMA HASANOVA
Bakı Dövlət Universiteti

azelmah@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0005-0485-2192>

**An Analysis of the National Linguocultural Specificity of
Three Exotic Zoonyms in French:
chameau (camel), *girafe* (giraffe) and *éléphant* (elephant)**

Keywords : zoonyms; linguocultural analysis; metaphor; connotation;
linguistic worldview; French language; cultural stereotypes; exotic animals

ABSTRACT

This article explores the linguocultural specificity of three exotic zoonyms — *chameau* (camel), *girafe* (giraffe) and *éléphant* (elephant) — in the French language. Zoonyms are examined not merely as lexical designations of animals, but as culturally marked units that participate in the construction of evaluative meanings and collective representations. The study is grounded in linguocultural and cognitive approaches and draws on the theories of A. Wierzbicka, G. Kleiber and V. N. Teliya. Special attention is paid to the role of cultural distance, visual perception, religious and literary traditions in the formation of zoonymic connotations. The analysis shows that the absence of direct empirical contact with exotic animals leads to their reinterpretation through symbolic and metaphorical frameworks. In French, *chameau* functions primarily as a strongly negative invective, *girafe* as an ironic and visually motivated image, and *éléphant* as a complex metaphor associated with massiveness, memory and social visibility. A comparative perspective with Russian and Azerbaijani highlights the cultural relativity of zoonymic meanings and confirms that such metaphors reflect not the objective characteristics of animals, but culturally embedded ways of conceptualizing the human world.

Ekzotik zoonimlər linqvokulturoloji mənzərənin elementi kimi:

Fransız dilində *chameau*, *girafe* və *éléphant* zoonimlərinin müqayisəli təhlili

Açar sözlər : zoonimlər; linqvokulturoloji təhlil; metafora; konnotasiya; dilin dünyagörüşü; fransız dili; mədəni stereotiplər; ekzotik heyvanlar

XÜLASƏ

Məqalədə fransız dilində üç ekzotik zoonimin — *chameau* (dəvə), *girafe* (zürəfə) və *éléphant* (fil) — linqvokulturoloji xüsusiyyətləri təhlil olunur. Zoonimlər burada yalnız heyvan adları kimi deyil, qiymətləndirici mənaların və kollektiv mədəni təsəvvürlərin formalaşmasında iştirak edən mədəni yüklü dil vahidləri kimi nəzərdən keçirilir. Tədqiqat linqvokulturoloji və koqnitiv yanaşmalara əsaslanır, A. Vejbitskaya, J. Kleiber və V. N. Teliya kimi alimlərin nəzəri müddəalarına istinad edir. Ekzotik heyvanların dil obrazlarının formalaşmasında mədəni məsafə, vizual qavrayış, dini və ədəbi ənənələrin rolu xüsusi vurğulanır. Aparılan təhlil göstərir ki,

ekzotik heyvanlarla birbaşa təmasın olmaması onların simvolik və metaforik çərçivədə yenidən şərh olunmasına səbəb olur. Fransız dilində *chameau* əsasən neqativ invektiv kimi çıxış edir, *girafe* ironik və vizual motivli obraz yaradır, *éléphant* isə kütləvilik, yaddaş və sosial görünürlük anlayışları ilə əlaqələndirilən çoxqatlı metafora kimi fəaliyyət göstərir. Rus və Azərbaycan dilləri ilə aparılan müqayisə zoonimlərin mənalılarının mədəni nisbi xarakter daşdığını və bu metaforaların heyvanların obyektiv xüsusiyyətlərini deyil, insan dünyasının mədəni konseptuallaşdırılmasını əks etdirdiyini təsdiqləyir.

Введение

Названия животных образуют одну из наиболее богатых и выразительных лексико-семантических групп. Потенциал зоонимов далеко не исчерпывается обозначением биологического вида: в языке они активно участвуют в формировании переносных значений, отражающих как внешние характеристики животных (окрас, размер, силу, неуклюжесть), так и приписываемые им поведенческие и психологические качества. Совокупность этих значений формирует особый фрагмент языковой картины мира, который оказывается глубоко национально и культурно обусловленным.

Коннотации зоонимов не возникают спонтанно внутри языка. Они складываются исторически, под влиянием культуры, коллективного опыта и системы ценностей общества, тогда как язык лишь фиксирует и закрепляет уже сформировавшийся образ. В рамках данной статьи мы используем следующие рабочие определения: **зооним** — это название животного; **коннотация** — совокупность оценочных, эмоциональных и культурных ассоциаций, устойчиво связанных с данной лексемой в языке. Один и тот же зооним может обладать диаметрально противоположными коннотациями в разных культурах, что делает его особенно показательным объектом лингвокультурного анализа. Теоретическую основу исследования составляют работы В. А. Масловой (10), В. Н. Телии (9), А. Вежбицкой (6), Ж. Клейбера (4), П. Гиро (1,2) а также концепция когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (3). Опираясь на эти подходы, мы рассматриваем зоонимы как элементы языковой картины мира, как носителей культурных стереотипов, как инструменты оценочной интерпретации действительности. А также в качестве средства концептуализации человека.

Структура и методология исследования

В основной части статьи мы, прежде всего, остановимся на факторах, формирующих лингвокультурную картину мира, а затем перейдём к анализу специфики трёх экзотических для французской культуры зоонимов: *chameau* (верблюд), *girafe* (жираф) и *éléphant* (слон). Анализ каждого зоонима будет строиться по следующей схеме:

1. представление лексемы в толковом словаре (*Le Petit Robert*): основные значения, коннотации, возможные гендерные аспекты;

2. фразеологический и паремиологический материал: устойчивые выражения, идиомы, сравнительные обороты (*Новый Большой французско-русский фразеологический словарь*) фольклорный контекст;
3. интерпретация образа в рамках герменевтического подхода — попытка «прочтения» и осмысления сформировавшегося культурного стереотипа.

Герменевтика, понимаемая как искусство интерпретации смыслов, исходит из признания того, что понимание никогда не бывает нейтральным. «Горизонт» исследователя — его опыт, знания, культурный бэкграунд — неизбежно влияет на интерпретацию объекта. В этом смысле важным является и понятие **герменевтического круга**: для понимания целого необходимо осмыслить его части, но сами части становятся понятными лишь в свете целостного образа. Именно поэтому в данной работе мы стремимся не просто описать существующие зоонимические стереотипы, а попытаться их интерпретировать и осмыслить.

Факторы, формирующие лингвокультурную картину мира

Формирование устойчивых зоонимических образов обусловлено целым рядом факторов. Остановимся на основных из них.

Первым и, по-видимому, самым древним является **эмпирический фактор**. На протяжении веков человек наблюдал за внешним видом животных, их повадками, поведением в стаде, отношением к человеку, постепенно перенося эти наблюдения на характеристики людей. Однако этот перенос никогда не был объективным. Змея воспринимается как скрытная и коварная, лиса — как хитрая, бык — как сильный и грубый, овца — как покорная. Тем не менее, подобные наблюдения всегда интерпретировались через призму конкретной культуры.

Вторым важным фактором является **хозяйственная роль животного** в жизни общества. Чем ближе животное к повседневному опыту человека, тем сильнее его символическая и коннотативная нагрузка. Корова как источник молока и мяса, осёл как тягловая сила, лошадь как средство передвижения и участник военных действий, свинья как источник пищи — все эти функции формируют определённые ассоциации. Однако и здесь коннотации остаются культурно обусловленными: в цивилизациях, где животное наделяется сакральным статусом (например, корова в Индии), его образ интерпретируется совершенно иначе.

Третьим, чрезвычайно мощным фактором выступают **мифологические и религиозные представления**. Так, змея в библейской традиции становится символом зла и коварства. В книге Бытия она описывается как «самое хитрое из всех зверей полевых», однако со временем этот образ трансформируется в абсолютный символ обмана и искушения. Подобные религиозные нарративы

оказывают долговременное влияние на формирование культурных стереотипов, зачастую полностью перекрывая реальные свойства животного. Аналогичным образом из античных и библейских традиций закрепляются образы льва как символа власти и царственности, верблюда как символа выносливости и аскезы, собаки — как фигуры опасности или хаоса в христианской символике.

Четвёртым ключевым фактором, особенно значимым для европейской культуры, является **фольклорная традиция — сказки и басни**. Аллегорический язык животных берёт своё начало в баснях Эзопа, где под видом животных высмеиваются человеческие пороки. Во французской литературе эту традицию продолжает и развивает Лафонтен, в русской — Крылов. Именно через басни закрепляются устойчивые аллегории: лиса как воплощение хитрости, волк — жестокости, осёл — глупости, ворон — тщеславия, ягнёнок — невинности. Эти образы являются не отражением реальных животных, а результатом литературной типизации.

Пятым фактором следует считать **работу самого языка**, а именно процессы метафоризации и фразеологизации. Язык отбирает и закрепляет оценочные смыслы через устойчивые выражения, инвективы, сравнения и пословицы. Метафора перестаёт быть единичным стилистическим приёмом и превращается в привычную форму мышления. Так, во французском языке выражения *bête comme une vache*, *avoir un caractère de cochon*, *chameau* (в значении «грубый, неприятный человек») давно функционируют как готовые оценочные схемы. Как отмечает П. Гиро (1,), метафора представляет собой перенос значения, основанный на аналогии и выделении одного признака объекта, который начинает функционировать как определяющий. Именно этот механизм лежит в основе зоонимических переносов, когда физическая характеристика животного становится устойчивым оценочным маркером. Метафора выделяет один признак объекта и абсолютизирует его, временно игнорируя остальные. Это именно то, что происходит с зоонимами: *éléphant* → «масса, тяжесть», *girafe* → «высокий рост», *chameau* → «уродливость / грубость» (в европейском стереотипе).

Наконец, **шестым** фактором является **коллективная оценка**, формирующая и поддерживающая устойчивый стереотип в языковом сознании. Таким образом, под воздействием множества факторов складывается своеобразие образного мышления различных народов и формируется национальная языковая картина мира, связанная с зоонимами. Каждая культура по-своему оценивает «ум», «силу», «красоту» животных, по-разному относится к телесности и природе, что непосредственно отражается в системе переносных значений. Как подчёркивает А. Вежбицкая, язык не описывает реальность напрямую, а отражает культурно обусловленный способ её концептуализации ().

В данной статье объектом анализа становятся образы трёх экзотических животных — верблюда, жирафа и слона. Основное внимание будет уделено их функционированию во французском языке, однако для выявления национальной специфики мы также обратимся к сопоставлению с русским и азербайджанским языками.

Образ верблюда во французской лингвокультуре: зооним как инвектива

Для французского языкового сознания верблюд является животным экзотическим и культурно далеким. Отсутствие повседневного контакта с этим животным, а также его непривычная внешность и ассоциации с «чужим» пространством пустыни обусловили формирование стереотипного образа верблюда как существа нелепого, неуклюжего, упрямого и потенциально вредного. Этот образ практически полностью оторван от реальных качеств животного и существует как продукт культурной интерпретации.

Коннотации и семантика: В современном разговорном французском языке зооним *chameau* обладает резко отрицательной коннотацией и функционирует прежде всего как инвектива. Он используется для характеристики человека как злого, капризного, упрямого, неприятного в общении или просто «невыносимого», причём это значение распространяется как на взрослых, так и на детей.

Ср. типичные употребления:

- *Quel chameau celui-là !* — «Ну и вредина же он!»
- *Arrête de faire ton chameau !* — «Перестань вредничать / злиться!»
- *Aujourd'hui, cette fille est un vrai chameau.* — «Сегодня она просто невыносима».

Во всех этих примерах зооним полностью утрачивает связь с обозначением животного и функционирует как оценочная характеристика личности.

Гендерный аспект : Согласно словарным данным (*Le Robert*, éd. 2026), слово *chameau* может употребляться и в отношении женщины, приобретая ещё более жёсткую и уничижительную окраску: «злая, уродливая женщина», «женщина лёгкого поведения» (*peste, salope, vache*). Подобное употребление отражает механизм обесценивания через анимализацию, хорошо известный в западных языках, и может рассматриваться как форма лингвистического сексизма. Животное здесь служит средством дегуманизации и морального принижения.

Фольклорно-религиозный контекст : Особое место в формировании образа верблюда занимает библейская традиция. В Евангелии от Матфея встречается знаменитая формула: *Il est plus aisé pour un chameau d'entrer par le trou d'une aiguille que pour un riche d'entrer dans le royaume de Dieu*. Под влиянием этого текста во французском языке закрепилось выражение *faire passer un chameau par le trou d'une aiguille* — «пытаться сделать невозможное».

Здесь *chameau* символизирует не животное как таковое, а нечто чрезмерно большое, неподдающееся, абсурдно несоразмерное.

Другой библейский образ — *rejeter le moucheron et avaler le chameau* («процеживать комара, а верблюда проглатывать») — служит метафорой лицемерия и искажения приоритетов. Первоначально выражение высмеивало фарисеев, скрупулёзно соблюдавших ритуальные мелочи, но нарушавших фундаментальные принципы справедливости. В современном языке эта формула используется реже, однако её смысл легко распознаётся и сегодня. Ср. пример современного употребления: *Il critique des détails insignifiants, mais il oublie des problèmes énormes. C'est vraiment rejeter le moucheron et avaler le chameau.*

В обоих случаях *chameau* утрачивает зоологическую конкретность и становится символом «чего-то огромного, существенного, вопиющего».

Сравнительные обороты : Интересно, что наряду с резко негативными значениями во французском языке существуют и более нейтральные, а иногда даже положительно окрашенные сравнения с этим зоонимом.

Так, выражение *sobre comme un chameau* («трезвый как верблюд») широко употребляется в разговорной речи. Оно имеет два основных оттенка значения:

1. человек, который не пьёт алкоголь или пьёт крайне умеренно;
2. человек выносливый, способный долго обходиться без ресурсов.

Пример: - *Tu ne prends pas un verre ? — Non merci, je reste sobre comme un chameau ce soir, je conduis.* Здесь верблюд неожиданно оказывается символом самоконтроля и воздержания — качеств, противопоставленных его инвективному образу.

Напротив, выражение *méchant comme un chameau* апеллирует к представлению о мстительности животного, которое «долго помнит обиды» и может внезапно проявить агрессию. В этом сравнении актуализируется образ скрытой злобности и затаённой обиды.

Герменевтическое прочтение французского образа : С герменевтической точки зрения образ верблюда во французской лингвокультуре представляет собой пример радикального культурного смещения. Животное, обладающее объективными качествами выносливости и адаптивности, оказывается интерпретированным через призму экзотичности, телесной «чуждости» и религиозной метафорики. Отсутствие реального опыта взаимодействия с верблюдом приводит к тому, что его образ заполняется негативными оценками и используется прежде всего как средство инвективы.

Верблюд в восточной традиции и азербайджанском языке: символ благородства и выносливости

В арабской, персидской и тюркской культурах верблюд занимает принципиально иное место. В традиционном восточном обществе верблюд веками считался эталоном благополучия. Это животное находится в самом центре кочевой цивилизации, экономики и выживания в условиях пустыни, что обусловило его высокий символический статус. Это и транспорт, и источник

шерсти, молока и мяса. Верблюд символизирует стабильный, крепкий, основательный капитал. В исламской культуре «верблюд» — это животное достоинства, терпения и божественной пользы. Этимологически в арабском языке корень *jamal* («верблюд») связан с понятием красоты, гармонии и совершенства (*jamil*). Верблюд здесь — не карикатурный образ, а символ жизненной мудрости, терпения и достоинства. В исламской культуре, « в Коране верблюды — очень значимые и символические животные. Они символизируют само Творение, помещены в один ряд с небом, горами, землей» (11, 144).

В азербайджанском языке (*dəvə*) зооним в целом лишён грубой отрицательной коннотации. Он ассоциируется прежде всего с выносливостью и трудолюбием; и большим размером (*dəvə boyda* — «огромный»).

В то же время фиксируется и мотив злопамятности (*dəvə kini saxlamaq*), однако он не носит оскорбительного характера. Фольклорные примеры демонстрируют ироничное, но не уничижительное отношение: *Dəvəyə dedilər: Boynun əyridir, dedi: "Harəm düzdür ki?"* — ирония над очевидными недостатками. *Dəvəsi ölmüş ərəb kimi* — образ глубокой утраты чего-то ценного, значимого. *Dövlətdə dəvə, övlətdə nəvə* - эта поговорка означает, что в материальном мире символ богатства – это верблюд. Это вершина обладания, самое ценное и полезное имущество. А в духовном и семейном плане высшее счастье – это внуки, то есть продолжение своего рода. *Dəvə oynayanda qar yağar* — дословно «когда верблюд начинает танцевать, пойдет снег». Крайне редкое, неожиданное событие, как если бы вдруг верблюд начал танцевать. Верблюд – животное степенное, тяжелое и серьезное. Он не «танцует» по своей природе. Но если вдруг у него странное беспокойное поведение, то это может предвещать проблемы, катаклизмы. Другой, слегка комический оттенок связан с образом высокого, долговязого человека (*dəvə kimi yerimək*), однако и здесь отсутствует резкая негативная оценка.

Образ верблюда в русском языке: относительная нейтральность

В русской лингвокультуре зооним «верблюд» является сравнительно слабым в коннотативном отношении. Он не приобрёл устойчивого инвективного значения и чаще всего ассоциируется с выносливостью и способностью переносить лишения. Реже он используется для обозначения неуклюжести или высокомерия. Фразеологизм «доказывать, что ты не верблюд» подчёркивает абсурдность оправданий перед необоснованными обвинениями, а выражение «плевать как верблюд» апеллирует к конкретной поведенческой особенности животного, не приобретая глубокой оценочной нагрузки. Сравнительный анализ показывает, что зооним «верблюд» получает принципиально различные интерпретации в зависимости от культурной и исторической близости общества к этому животному. Если во французском языке он становится источником грубых инвектив и негативных характеристик, то в азербайджанском и русском он сохраняет преимущественно нейтральные или уважительные коннотации, связанные с терпением и стойкостью. Это ещё раз

подтверждает, что зоонимические метафоры не отражают объективных свойств животных, а формируются в результате сложного взаимодействия культурных, религиозных, фольклорных и исторических факторов, закрепляясь в языке как элементы национальной картины мира.

Зооним *girafe* во французской лингвокультуре: визуальная метафора и иронический образ

Если образ верблюда во французской лингвокультуре демонстрирует крайний вариант негативной оценочной переинтерпретации экзотического животного, то анализ зоонима *girafe* позволяет проследить иной путь семантической трансформации — от телесной необычности к ироническому, лишённому агрессии образу. Образ жирафа (*girafe*) представляет особый интерес для лингвокультурного анализа, поскольку во французском языке этот зооним, в отличие от таких «классических» образов, как *renard*, *loup* или *âne*, сравнительно слабо фразеологизирован. При этом он обладает яркой визуальной символикой и устойчивым культурным подтекстом, основанным прежде всего на восприятии внешности животного.

Основные семантические и культурные коннотации

Во французском языковом сознании зооним *girafe* ассоциируется прежде всего с физическими и визуальными характеристиками животного, которые и формируют основу его переносных значений:

- длинная шея → любопытство, стремление видеть дальше и больше других;
- высокий рост → заметность, неловкость, «выделенность» из окружения;
- экзотичность → странность, редкость, инаковость;
- относительная медлительность → наивность, мягкость, отсутствие агрессии.

Так, выражение *une grande girafe* употребляется по отношению к очень высокой и несколько нескладной девушке или женщине. Важно отметить, что в большинстве случаев это не является прямым оскорблением: оценка здесь чаще всего нейтральная или слегка ироническая, иногда даже описательная.

Фразеология и устойчивые выражения

Небольшое количество фразеологизмов с данным зоонимом компенсируется их высокой наглядностью и прозрачностью мотивации. Выражение *faire la girafe* означает «вытягивать шею», «глазеть», «пытаться разглядеть что-то издалека», а в более широком смысле — проявлять чрезмерное любопытство. Эта идиома напрямую связана с наиболее заметной особенностью животного — его длинной шеей.

Сходное значение имеет и выражение *regarder comme une girafe* — «смотреть во все глаза», «пялиться». Оно употребляется в разговорной речи с лёгким ироническим оттенком и часто описывает ситуацию неловкого или чрезмерно пристального наблюдения. Фразеологизм *avoir un cou de girafe* («иметь шею как у жирафа») носит преимущественно дескриптивный и

шутливый характер. Он широко используется в описаниях внешности и нередко встречается в контексте моды и эстетики: длинная и тонкая «шея жирафа» может рассматриваться как признак изящества.

Особого внимания заслуживает выражение *peigner la girafe* («причёсывать жирафа»), означающее «заниматься бессмысленным делом», «бездельничать». Здесь жираф выступает как абсурдный объект действия, подчёркивающий бесполезность совершаемого поступка. Эта идиома носит ярко выраженный иронический характер и лишена негативной агрессии.

Коннотативная характеристика : В отличие от зоонима *chameau*, *girafe* практически не несёт в себе агрессивной или резко отрицательной оценки. Для него характерны ирония, комизм и визуальная выразительность. Можно говорить о «мягкой» наивности и добродушной неловкости, которые сопровождают этот образ. Таким образом, *girafe* функционирует как зооним с положительно-нейтральной или иронической окраской, часто используемый в юмористическом контексте.

Girafe в литературе и культуре : В классической французской басенной традиции, в частности у Лафонтена, жираф практически не представлен. Это объясняется тем, что животное было мало известно в Европе в античности и не входило в средневековый bestiary. Зато в современной культуре и детской литературе образ жирафа получает широкое распространение. Здесь он ассоциируется с добротой, наивностью, дружелюбным характером и «инаковостью». Показательны сами названия детских книг: *La girafe qui avait peur du noir*, *La girafe blanche*, где жираф нередко становится метафорой отличия от нормы, инаковости, но не угрозы.

Лингвокультурная интерпретация: С точки зрения лингвокультурологии зооним *girafe* не является архетипическим образом и не несёт глубокой религиозной или мифологической символики. Он отражает скорее модернистское восприятие экзотического животного, основанное на визуальном опыте и культурной дистанции.

Жираф в языке — это образ наблюдателя, наивного субъекта, внешне заметного, но не опасного. В терминах когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона можно говорить о метафорической модели HOMME = GIRAFE, где человек концептуализируется как тот, кто «видит издалека», «выделяется ростом», но не вмешивается активно в происходящее.

Таким образом, *girafe* во французской лингвокультуре:

- не обладает глубокой мифологической символикой;
- функционирует преимущественно в разговорной и детской речи;
- имеет нейтральную или ироническую оценку;
- отражает визуально-перцептивную модель концептуализации.

В отличие от «сильных» зоонимов (*lion*, *loup*, *renard*), жираф относится к периферийным образам, что делает его особенно показательным для анализа современной языковой картины мира.

Сопоставление с русским и азербайджанским языками

В русском языке зооним «жираф» также не отличается богатой фразеологией, однако существует устойчивое выражение «доходит как до жирафа», используемое для характеристики медленного понимания. Здесь актуализируется мотив «длинного пути» от услышанного к осмысленному.

В азербайджанском языке (*zürafə*) жираф остаётся экзотическим животным, поэтому в традиционном фольклоре он почти не представлен. Тем не менее, в современной разговорной речи образ активно используется. Наиболее частотным является сравнение *zürafə kimi* («как жираф»), которое употребляется:

- для обозначения очень высокого роста (*Boyuna bax, elə bil zürafədir*);
- для описания длинной шеи (*zürafə boynu*), что может звучать как комплимент или ирония;
- для характеристики чрезмерного любопытства, когда человек «вытягивает шею», пытаясь что-то разглядеть.

Кроме того, в азербайджанской разговорной среде распространена калька с русского выражения «доходит как до жирафа», особенно в двуязычном контексте: *Sənə lap elə bil zürafəyə kimi çatır?* Небогатость идиом с этим зоонимом объясняется тем, что в традиционной азербайджанской культуре роль «высокого и странного» животного исторически выполнял верблюд (*dəvə*), с которым и связано большинство фольклорных образов роста, неловкости и визуальной непропорциональности.

Зооним *éléphant* во французской лингвокультуре: массивность, память и ироническая заметность

В отличие от жирафа, чья символика во многом ограничивается визуальным и перцептивным уровнем, зооним *éléphant* формирует более сложную и многослойную систему значений, в которой телесная масштабность животного переходит в метафору социальной и моральной «весомости». Для французского языкового сознания слон, как и верблюд или жираф, является животным экзотическим и культурно далёким. Отсутствие повседневного опыта взаимодействия с этим животным обусловило формирование стереотипа, основанного прежде всего на внешнем облике и телесной масштабности. В словарях (*Le Petit Robert*) *éléphant* фиксируется, с одной стороны, как обозначение очень полного, массивного человека с тяжёлой походкой (*personne très grosse, à la démarche pesante*), а с другой — как метафорическое наименование «важной персоны», хорошо устроившейся в социальной или политической структуре (*personnage important et installé, par exemple dans un parti politique*). Эта двойственность, на первый взгляд парадоксальная, легко объясняется герменевтически: именно крупный размер слона, его физическая невозможность остаться незамеченным, порождает как образ неловкой телесности, так и метафору социальной «весомости» и значимости.

Общая семантическая характеристика: В отличие от *girafe*, чья семантика во многом ограничивается визуальной ироничностью, зооним

éléphant во французской лингвокультуре оказывается значительно более «нагруженным» и многослойным. В коллективном языковом сознании с ним устойчиво соотносятся следующие признаки:

- огромный размер, массивность;
- физическая сила;
- медлительность;
- неуклюжесть;
- хорошая память;
- заметность, невозможность остаться незамеченным;
- определённый «моральный вес».

Эти характеристики активно переносятся на человека, формируя преимущественно оценочно-описательный, а не агрессивный образ.

Гендерный аспект : Гендерная асимметрия в употреблении зоонима *éléphant* выражена достаточно явно. В отношении мужчины словари для этого значения предлагают синонимы с ярко выраженной телесной оценкой: *gros lard, gros patapouf, mastodonte, hippopotame*. Все они подчёркивают массивность, тяжеловесность, физическую громоздкость. По отношению к женщине зооним приобретает более жёсткую и стигматизирующую окраску: *baleine, grosse dondon*. Здесь особенно отчётливо проявляется культурная установка на контроль и оценку женского тела, а анимализация становится инструментом социального давления.

Разговорные значения : В разговорном французском языке *éléphant* может обозначать также неопытного моряка или «сухопутного» человека, плохо приспособленного к морским условиям. Это значение строится на очевидной несоразмерности: слон как символ массивного сухопутного животного оказывается в пространстве, к которому он принципиально не приспособлен. И здесь, как и в других значениях, на первый план выходит не агрессия, а комизм и несоответствие.

Фразеология и устойчивые выражения

Фразеологический потенциал зоонима *éléphant* во французском языке достаточно богат и разнообразен. Выражение *un éléphant dans un magasin de porcelaine* («слон в посудной лавке») обозначает человека, действующего крайне неуклюже и неуместно в деликатной ситуации. Важно, что в этом образе подчёркивается не злое намерение, а отсутствие такта, меры и чувствительности к контексту. Выражение *avoir une mémoire d'éléphant* обладает в целом положительной коннотацией и связано с устойчивым представлением о феноменальной памяти слонов. Однако в определённых контекстах оно может приобретать и негативный оттенок, обозначая злопамятность — способность долго помнить обиды. Фразеологизм *faire d'une touche un éléphant* («делать из мухи слона») фиксирует универсальный когнитивный механизм преувеличения, где слон выступает как символ чрезмерного масштаба и несоразмерности. Менее частотное выражение *faire*

l'éléphant используется для описания грубого, тяжеловесного, неделикатного поведения и имеет разговорный характер. Наконец, выражение *voir des éléphants roses* относится к разговорной, фамильярной речи и обозначает галлюцинации, чаще всего вызванные алкогольным опьянением. Здесь слон полностью утрачивает связь с реальностью и становится элементом абсурдного визуального воображения.

Коннотативный спектр : В целом зооним *éléphant* во французской лингвокультуре характеризуется умеренно положительной или иронической коннотацией. Это образ добродушной силы, лишённой агрессии, массивности без злобы, неловкости без жестокости. В отличие от *chameau*, слон почти никогда не выступает в роли оскорбительной инвективы.

Слон в литературе и культуре : В классической французской басенной традиции (в частности у Лафонтена) слон практически отсутствует. Это объясняется его экзотичностью и отсутствием в средневековом европейском бестиарии. В то же время в современной культуре, особенно в детской литературе и анимации, слон приобретает устойчиво положительный образ: большой, добрый, немного наивный, защитник слабых — *grand mais gentil*.

Лингвокультурная интерпретация

С точки зрения лингвокультурологии зооним *éléphant* отражает антропоцентрическую модель мышления, в рамках которой физические характеристики животного переносятся на социальное и моральное поведение человека. В терминах когнитивной теории метафоры (Lakoff & Johnson) здесь реализуется модель:

L'HOMME EST UN ÉLÉPHANT → «большой, сильный, заметный, но неуклюжий».

В отличие от *lion* или *loup*, слон лишён мифологической угрозы и сакральной опасности, что делает его образом скорее комическим и описательным, чем символически тревожным.

Таким образом, зооним *éléphant* во французской лингвокультуре характеризуется:

- преобладанием иронической и оценочно-описательной семантики;
- отсутствием агрессивной символики;
- устойчивыми ассоциациями с массивностью и памятью;
- активным функционированием в разговорной и фразеологической речи;
- слабой мифологизацией по сравнению с другими зоонимами.

Однако, если *girafe* во французском языке остаётся фигурой наблюдателя, то *éléphant* оказывается фигурой присутствия — заметной, тяжёлой, но не враждебной.

Сопоставление с русским и азербайджанским языками

В русской лингвокультуре образ слона во многом сформирован басней И. А. Крылова «Слон и Моська», а также цирковой традицией. Слон здесь чаще всего смешной, неловкий и чрезмерно заметный:

- «Слона-то я и не приметил» — неспособность увидеть главное;
- «Слон в посудной лавке» — крайняя неуклюжесть;
- «Делать из мухи слона» — преувеличение.

В азербайджанской культуре (*fil*) слон, напротив, воспринимается как символ мощи, терпения и устойчивости. Через иранскую и индийскую культурную традицию он наделяется уважительным статусом:

- *fil gücü* — невероятная сила;
- *fil dərisi* — «слоновья кожа», нечувствительность к критике;
- *fil qulağında yatmaq* — состояние полной беспечности;
- *Dəvədən böyük fil var* — «есть кто-то сильнее даже верблюда».

Таким образом, если в русском языке слон чаще комичен и неловок, то в азербайджанском он величественен и «непробиваем».

Сравнительный анализ показывает, что зооним *éléphant* во французской лингвокультуре выполняет преимущественно описательную и комически-оценочную функцию. Его образ формируется не через мифологический страх или агрессию, а через иронию, визуальную масштабность и телесную заметность. Это делает слона показательным примером того, как экзотическое животное интегрируется в языковую картину мира не как угроза, а как объект культурной интерпретации.

Заключение

Chameau, girafe, éléphant: экзотические зоонимы как зеркало культурной дистанции

Проведённый анализ трёх экзотических для французской культуры зоонимов — *chameau*, *girafe* и *éléphant* — позволяет выявить общие механизмы формирования зоонимических образов, а также принципиальные различия в их семантической и коннотативной нагрузке. Прежде всего, все три зоонима объединяет **культурная дистанция** между носителями языка и соответствующими животными. Ни верблюд, ни жираф, ни слон не принадлежат к повседневному опыту французской культуры. Это отсутствие эмпирического контакта делает язык особенно восприимчивым к вторичным, интерпретативным источникам образа — религиозным текстам, визуальным впечатлениям, литературным и фольклорным клише. В результате зооним перестаёт быть наименованием животного и превращается в **инструмент символической интерпретации человека**. Вместе с тем каждый из анализируемых образов демонстрирует собственную модель семантической трансформации. Зооним *chameau* представляет собой крайний случай **негативной переинтерпретации**. Его функционирование во французском

языке характеризуется резкой инвективностью, утратой зоологической конкретности и активным участием в системе оскорбительных номинаций. Верблюд здесь — это не столько образ, сколько **оценочный ярлык**, закреплённый языком и поддерживаемый культурной традицией. Герменевтически данный образ отражает страх и отторжение «чуждого» пространства пустыни, усиленные библейской метафорикой и отсутствием реального знания о животном. На противоположном полюсе находится зооним *girafe*. В отличие от *chameau*, он практически лишён агрессивной оценки и функционирует преимущественно в ироническом и описательном регистре. Его образ строится на **визуальной метафоре**: длинная шея, высокий рост, заметность. Жираф во французской лингвокультуре — это фигура наблюдателя, слегка наивного, неловкого, но не опасного. Он не включён в систему инвектив и не несёт морального осуждения, что позволяет рассматривать его как периферийный, но показательный элемент современной языковой картины мира. Зооним *éléphant* занимает промежуточное положение между этими двумя полюсами. С одной стороны, он обладает более богатым фразеологическим потенциалом и сложной семантической структурой; с другой — его образ лишён враждебности и мифологического страха. Слон во французском языке — это символ **масштабности**, «весомости» и заметности, который может интерпретироваться как комически-неловкий или социально значимый. Здесь телесная массивность переходит в метафору морального или социального веса, что делает данный зооним особенно продуктивным в оценочной и описательной функции. Сопоставление французского материала с русским и азербайджанским языками наглядно демонстрирует, что зоонимические коннотации не являются универсальными. Так, верблюд, обладающий резко негативной окраской во французском языке, в восточной традиции и в азербайджанском языке предстает как символ выносливости, достоинства и жизненной мудрости. Жираф, будучи периферийным и слабо фразеологизированным во всех трёх языках, сохраняет преимущественно нейтральный или иронический статус. Слон же, комический и неловкий в русском языке, оказывается величественным и устойчивым в азербайджанской культурной картине мира. Таким образом, анализ показывает, что экзотический зооним функционирует в языке не как отражение объективных свойств животного, а как **проекция культурных установок, ценностей и способов интерпретации телесности, силы, инаковости**. Язык в данном случае выступает не зеркалом природы, а зеркалом культуры, в котором животное становится метафорой человека и общества.

Используемая литература

На французском языке :

1. Guiraud, P. (1961). *La sémantique*. Paris : PUF, 126 p.
2. Guiraud, P. (1961/1980). *Les locutions françaises*. Paris : PUF, 122 p.
3. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980/2003). *Les métaphores dans la vie quotidienne*. Paris : Minuit (trad.). 256 p.
4. Kleiber G. *Problèmes de sémantique*. — Paris, 1999. 220 p.
5. Pastoureau, M. (2011). *Bestiaires du Moyen Âge*. Paris : Seuil. 240 p.

На русском языке

6. Вежицкая, А. (1996/2001). *Язык. Культура. Познание*. Москва : Русские словари / Языки славянской культуры. 412 стр.
7. Воробьев, В. В. (1997). *Лингвокультурология*. Москва : РУДН. 331 стр.
8. Гак, В. Г. (1988/2000). *Сопоставительная лексикология*. Москва. 264 стр.
9. Телия, В. Н. (Ред.). (1999). *Фразеология в контексте культуры*. Москва : Языки русской культуры. 336 стр.
10. Маслова, В. А. (2001/2004). *Лингвокультурология*. Москва: Академия. 208 стр.
11. Садыхова, Г.Р. (2012) *Сопоставительный анализ образов животных в Коране и Библии (фразеологический аспект)*. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4 стр.136-144

Справочные источники:

12. Le Petit Robert 2014/2026 (в электронной цифровой версии).
13. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь под редакцией В.Г.Гака, Москва 2005, 1624 стр.
14. «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) под редакцией С. А. Кузнецова (в электронной версии).
15. «Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti» (4 cildlik nəşr) AMEA Nəsimi adına Dilçilik İnstitutu

Рәүсi: доктор филологических наук, профессор Г.Р. Садыхова

Заведующая кафедрой лексикологии и стилистики Азербайджанский Университет Языков